

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности *).

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., разбирая пѣсни о *взятіи козаками Азова* и сообщая записанные на Украинѣ варианты пѣсни о *сынѣ Стеньки Разина*, мы подошли къ вопросу о необходимости сравнительнаго изслѣдованія украинской народной словесности и въ частности пѣсенъ. Такое изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, составляетъ теперь настоящую необходимость. Сравненіе въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано въ нѣсколькихъ кругахъ разной величины радіусовъ: въ кругѣ русскомъ (велико-бѣло-мало-русскомъ), въ кругѣ славянскомъ, въ кругѣ арійскомъ, въ кругѣ культурно-человѣческомъ, наконецъ въ кругахъ болѣе тѣсныхъ и, такъ сказать, случайныхъ,—въ кругу области народовъ разнаго племени и разной степени культуры, которые соприкасались съ нашимъ народомъ и передали ему, или отъ него заимствовали извѣстную часть матеріала народной словесности. Обстоятельное сравненіе этого матеріала у разныхъ народовъ, сравненіе какъ основныхъ темъ, такъ и ихъ развитія въ подробностяхъ, опредѣлило-бы какъ *отличіе* нашей словесности, такъ и *сходство* ея съ другими, а въ послѣднемъ случаѣ опредѣлило-бы, происходитъ-ли это сходство отъ *совпаденія* или отъ *унаслѣдованія* изъ общаго когда-то, племеннаго достоянія, или-же (какъ это чаще всего бываетъ) отъ *заимствованія* при взаимномъ культурномъ вліяніи. Только тогда, когда подобнымъ образомъ будетъ изслѣдована наша народная словесность посредствомъ метода *интернаціональнаго* сравненія, можно будетъ говорить съ основательностію о ея *національномъ* элементѣ.

*) См. «Кіевская Старина» 1882 г., кн. XI.

Само собою разумѣется, что такая разработка нашей богатой народной словесности можетъ быть дѣломъ только совокупныхъ усилій цѣлаго ряда ученыхъ. Не имѣя претензій на что либо цѣльное и исчерпывающее даже какую-бы то нибыло отдѣльную область предмета, мы предполагали въ нашихъ замѣткахъ по крайней мѣрѣ представить хоть по одному примѣру, взятому изъ каждаго круга изъ числа тѣхъ намѣченныхъ выше круговъ, въ какихъ, по нашему мнѣнiю, слѣдовало-бы производить сравненiе нашей народной словесности съ словесностью другихъ народовъ. Но чтенiе текущихъ работъ и замѣтокъ по интересующему насъ предмету, появляющихся въ Кiевѣ, ставшемъ въ послѣднее время центромъ нашего родиновѣдѣнiя, заставляетъ насъ обратиться сначала къ этимъ работамъ и замѣткамъ и постараться отвѣтить съ точки зрѣнiя сравнительнаго изученiя на вопросы, уже возбуждаемые этими работами и замѣтками.—Таковы поводы и цѣль нижеслѣдующихъ отрывочныхъ замѣтокъ.

III').

Къ вопросу о вертепной комедiи на Украинѣ.

Въ IV книжкѣ „Кiевской Старины“ за текущiй годъ помѣщена замѣтка—г. О. Пч. подъ заглавiемъ: „Отживающая или начальная форма „вертепной драмы?““ Главное содержанiе замѣтки этой заключается въ сообщенiи о томъ, какъ не очень давно автору пришлось видѣть въ г. Луцкѣ странствующаго „мазура“ съ кукольнымъ театромъ, на которомъ мазуръ этотъ представлялъ рождественскую комедiю съ прибавленiемъ бытовыхъ сценокъ, на которыхъ выводились пары цыганъ, жидовъ, мазуровъ и русиновъ. Заглавiе замѣтки, составленное въ видѣ вопроса, вызываетъ читателей „Кiевской Старины“ къ отвѣтамъ, одинъ изъ каковыхъ смѣемъ предложить и мы.

Прежде всего замѣтимъ, что образцы польско вертепной рождественской комедiи, въ родѣ той, которую видѣлъ г. О. Пч. въ Луцкѣ, извѣстны уже въ печати со времени изданiя Конопки:

¹⁾ I и II замѣтки см. «Кiевск. Стар.» 1882 г., кн. XI, стр. 229—250.

Pieśni ludu Krakowskiego (1840; стр. 84 и слѣд.). Не очень давно, въ V-мъ томѣ извѣстнаго собранія Кольберга: *Lud*, (Kraków 1871) напечатано два варианта рождественской комедіи, исполняемой въ польскихъ вертепахъ, называемыхъ *Szopka* или *Jaselka* (стр. 197—226).

Что касается собственно вопроса, отживающая или начальная форма „вертепной драмы“—есть эта *Szopka*, то вопросъ этотъ уже разрѣшенъ исторіей подобныхъ драмъ на Западѣ, гдѣ онѣ и возникали. Исторія эта вкратцѣ разсказана, хотя и далеко не обстоятельно, и на русскомъ языкѣ, въ книгѣ г. Алексѣя Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ“ (Москва. 1870). По множеству опубликованныхъ въ послѣднее десятилѣтіе текстовъ западно-европейскихъ, старинныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ драмъ, комедій, фарсовъ и т. п., —твердо устанавливается такой ходъ развитія пьесъ въ родѣ польскихъ и украинскихъ рождественскихъ комедій: *начальная форма ихъ появляется въ церквяхъ въ видѣ драматизаціи богослуженія, достигаемой раздѣленіемъ чтенія литургическихъ текстовъ между разными лицами и хоромъ, установкою статуй и декораций. Это драма литургическая. За тѣмъ уже достаточно развившіяся изъ литургическихъ религіозныя драмы (рождественскіе, страстные, воскресенскіе, на праздникъ Божьяго тѣла и т. п.) исполнялись самостоятельно, но все еще долго въ церквяхъ, изъ которыхъ постепенно стали выходить на площади и въ частные дома, причемъ драмы эти стали и сжиматься въ кукольныя представленія, и разбиваться на отрывки въ видѣ диалоговъ и виршей. Дьяволъ, Иродъ, пастухи, жиды, солдаты (у гроба Христова), женщины-муроносицы и т. п. постепенно принесли съ собою въ религіозную драму бытовой и комическій элементъ, который со временемъ сталъ занимать въ этой драмѣ совсѣмъ почти самостоятельное положеніе въ видѣ тѣхъ *интерлюдій*, какіе извѣстны и въ украинской литературѣ XVIII в.*

На основаніи всего, что до сихъ поръ извѣстно, театръ въ Польшѣ и на Украинѣ появился прямо перенесеннымъ съ запада, причемъ, кажется, у насъ, на Украинѣ почти не было формы литургической драмы, кромѣ развѣ зародыша ея въ видѣ чтенія *Пассій*. Театръ на Украинѣ, кажется, начался прямо съ вторичной драмы, религіозной или мистеріи, исполняемой въ школахъ и на

площадяхъ. Что драма эта на Украинѣ прямо западнаго происхожденія, вначалѣ *чисто-переводная*, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія послѣ сравненія, на примѣръ, текста Рождественской драмы, приписываемой св. Димитрію Ростовскому, и переработокъ подобныхъ ей текстовъ въ спискахъ вертепной комедіи Маркевича и Галагана, съ западными текстами, напечатанными на примѣръ у *Parfait* въ *Histoire du théâtre français* и др. Говоря это, мы разумѣемъ особенно серьезную, собственно рождественскую сторону нашей вертепной комедіи, такъ какъ ея комическая сторона, дивертисментъ, гораздо болѣе самостоятельна.

Вопросъ, интересный для изслѣдованія, теперь только въ слѣдующемъ: съ какого собственно текста сдѣланъ былъ переводъ нашей рождественской комедіи и какимъ путемъ явился къ намъ оригиналъ этого перевода? Былъ-ли это оригиналъ латинскій и пришелъ ли онъ къ намъ черезъ поляковъ, или черезъ нѣмцевъ,—или наши переводчики рождественской комедіи передѣлывали свой текстъ съ перевода польскаго, или нѣмецкаго? Отвѣтъ на эти вопросы между прочимъ будетъ интересенъ для исторіи общенія нашихъ предковъ съ западомъ вообще и въ частности для уясненія вопроса о томъ, были-ли поляки единственными посредниками въ этомъ общеніи, какъ обыкновенно принято думать? Что посредниками этими могли быть и нѣмцы, это дѣлаетъ вѣроятнымъ и то обстоятельство, что на примѣръ въ Львовѣ издавна была нѣмецкая колонія, которая, конечно, жила своею культурною жизнію и должна была имѣть непосредственное вліяніе на украинское населеніе этого важнѣйшаго въ XVI в. культурнаго центра на Украинѣ. Кромѣ того нѣмецкое вліяніе должно было проходить на Украину черезъ Литву и Бѣлоруссію изъ Пруссіи и Риги.

По отношенію къ старинному театру точный отвѣтъ на всѣ затронутые выше вопросы сильно затрудняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ,¹⁾ что украинскіе тексты рождественской комедіи мы имѣемъ въ редакціяхъ слишкомъ позднихъ, не раньше XVIII или во всякомъ случаѣ не раньше $\frac{1}{2}$ XVII в. ¹⁾ Списокъ-же бо-

¹⁾ Это мнѣніе мы основываемъ на текстѣ пѣсенки запорожца въ рождественской комедіи:

Та не буде лучше,
Та не буде крашче,

лѣе торжественной, болѣе клерикальной редакціи рождественской драмы мы имѣемъ до сихъ поръ только въ редакціи несомнѣнно украинской, по перешедшей черезъ Великороссію: разумѣемъ драму, приписываемую Димитрію Ростовскому, напечатанную въ 1-т. изданія: „Русскія Драматическія Произведенія 1672—1725 г.“, Н. Тихонравова (339—399). За тѣмъ препятствіемъ къ излѣдованію источниковъ даже этихъ образцовъ украинской рождественской комедіи служить недостаточное излѣдованіе соотвѣтственнаго матеріала польскаго. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны изданія польскихъ текстовъ старинныхъ драмъ съ церковными сюжетами, ни даже монографій о нихъ позднѣйшихъ, чѣмъ сочиненіе Войцицкаго: „Teatr starożytny w Polsce“ (W. 1841), крайне недостаточное по отношенію именно къ нашему предмету. Тоже слѣдуетъ сказать по отношенію къ Бѣлоруссіи.

Вотъ почему прежде всего надо желать тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны. Равнымъ образомъ желательны подобныя поиски за виршами и духовными стихами вообще, рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на Западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣст-

Якъ у насъ та на Україні!

Що немає жпда,

Що немає ляха:

Не буде *измѣни*.

Пѣсенку эту «Исторія Руссовъ» относятъ ко времени Черной Рады въ Нѣжинѣ и къ избіенію тогдашнихъ «дуковъ» чернью (Ист. Р., 120) и приводятъ конецъ ея такъ:

Нема панивъ,

Нема ляхивъ,

Не буде й *измѣни*.

И въ данномъ случаѣ предположеніе автсра «Исторіи Руссовъ» совершенно вѣрно, такъ какъ случай *измѣни* не можетъ быть отнесенъ ни къ настоящимъ ляхамъ-полякамъ, ни къ другому времени, равнѣ Виговскаго.

ныхъ уже списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими (хоть по Кольбергу) и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими и французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими. Кстати теперь уже существуютъ прекрасныя изданія послѣднихъ, наприм., кромѣ старыхъ изданій *Mohne*,—*Karl Weinhold-Weilmacht*—*Spiele und Lieder aus Süddeutschland un Schlesien* (2 изд. Wien, 1875), *K. Iul. Schröer*—*Deutsche Weilmachtspiele aus Ungarn* (2 изд. Wien, 1862), *Aug. Hartmann*—*Volksschauspiele in Bayern und Oesterreich—Ungarn desammelt* (Leipzig. 1880). Особенно послѣднее изданіе, съ обильными музыкальными примѣрами, желательно было-бы видѣть сравненнымъ со стороны компетентныхъ людей съ одной стороны съ изданіемъ Куссемакера (*Coussemaker*) *Des drames liturgiques du moyen âge* (1861, съ музыкой), съ другой—съ нашими текстами и музыкой у Тихонравова, Маркевича и Галагана. Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ его бытовыхъ частяхъ. Въ этихъ послѣднихъ напр. наши украинскіе тексты сильно рознятся отъ польскихъ, намечатанныхъ у Кольберга, но сомнительно, чтобы даже нашъ вертепный запорожецъ не ваялъ себѣ родственниковъ въ разныхъ буйныхъ войнахъ въ западныхъ интерлюдіяхъ и комедіяхъ, которыя и до сихъ поръ еще играютъ и людьми, и куклами въ святочныхъ балаганахъ самыхъ передовыхъ странъ Запада.

Даже тѣ намеки, какіе до сихъ поръ случайно просекаивали въ печати о слѣдахъ существованія стариннаго религіозно-бытоваго театра въ Западной Россіи, даютъ надежды на то, что пожива изслѣдователей по этой части была-бы совсѣмъ не малая, если-бъ за дѣло изслѣдованія принялись сколько нибудь систематически. Такъ напр. въ одной изъ статей „Кіевлянина“, вышедшихъ къ книжкѣ В. Шульгина (теперь очень рѣдкой): „Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе“, паталкиваемся на слѣдующія строки: „друзья польскаго дѣла (въ 1861 г.), стараясь сами оттолкнуть крестьянъ отъ правительства и сдѣлать ихъ солидарными своимъ замысламъ, въ то-же время указывали начальству пальцемъ на сцены изъ исторіи козацкихъ войнъ, дававшіеся въ святочныхъ балаганахъ Кіева“ (Юго-западный край и пр., стр. 213—214).

Тутъ очевидно дѣло идетъ о сценѣ побѣненія запорожцемъ ляха, въ родѣ той, которая находится въ извѣстныхъ печатныхъ вариантахъ вертепной драмы. И такъ еще недавно ее представляли въ Кіевѣ, пока съ польской стороны не было обращено на нее вниманія бдительной полиціи!

А вотъ указаніе еще болѣе новое. Въ № 3 кіевской газеты „Трудъ“ за 1882 г. читаемъ извѣстіе о проявившемся въ предмѣстьи Соломенка протонародномъ малярѣ національно-реалистическаго направленія и за тѣмъ такіе строки: „конечно, прежде чѣмъ желать соломенскому малярю пріобрѣтенія дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ живописи, надо пожелать ему, чтобы онъ не попалъ въ то положеніе, въ которомъ очутился участникъ „народнаго театра“, попавшій изъ святочнаго персонажа, Мельхиседека, въ кутузку.

Изъ словъ этихъ слѣдуетъ заключить, что въ Кіевѣ еще въ 1881 г. какіе-то люди изъ „народа“ покушались играть или играли религіозную драму, въ родѣ тѣхъ *Passionspiel*, которые еще остались въ гористыхъ мѣстахъ южной Германіи (напр. въ Ober-Ammergau, гдѣ такая драма играется крестьянами разъ въ 10 лѣтъ и гдѣ послѣдній разъ играли именно въ 1881 г.). Конечно, въ извѣстін „Труда“ поучительно уже и то, что въ то время, когда въ Ober-Ammergau собирались любители со всей Европы и даже Америки посмотреть, какъ „народъ“ играетъ старинную религіозную драму, у насъ отвели „святочнаго персонажа въ кутузку“, но нельзя не пожелать и того, чтобы репортеръ „Труда“ сообщилъ подробнѣе и о самомъ народномъ театрѣ, актеровъ котораго постигло оригинальное поощреніе нашихъ меценатовъ. Неужели нельзя довѣдаться, по какому текету играли въ Кіевѣ еще такъ недавно народный театръ съ Мельхиседекомъ и, конечно, съ другими персонажами изъ библейской исторіи?

Что касается Бѣлоруссін, то о ея религіозно-бытовомъ театрѣ мы встрѣтили недавно отрывочное, но чрезвычайно любопытное извѣстіе въ газетѣ „Новости“, 1883 г., № 102, въ одномъ изъ ряда „бѣлорусскихъ писемъ“¹⁾. Въ виду важности сравненія бѣлорусскаго народнаго театра съ украинскимъ, мы воспроизводимъ здѣсь весь отрывокъ письма г. Ос—цкаго, относящійся къ театру:

¹⁾ Подписаны Вл. Ос—цкій.

„Сценой для представлений служить небольшой подвижной балаганъ, который можетъ переноситься съ помощью двухъ чело-вѣкъ. Полъ ящика устланъ мѣхомъ кошки или зайца съ сквозными дорожками, по которымъ на проволокахъ двигаются куклы; свѣтъ падаетъ на сцену сверху. Подобный балаганчикъ называется Вертепомъ или Батлейкой (отъ слова Bathleem—Вилеємъ). Путешествуетъ онъ по обывательскимъ домамъ, сопровождаемый оркестромъ изъ нѣсколькихъ скрипокъ или волюшки, довольствуясь весьма незначительнымъ гонораромъ за свой артистическій трудъ.

Первая часть представленія по-прежнему посвящается переработанному народной фантазіей изображенію эпизодовъ изъ первыхъ дней жизни Иисуса Христа, вторая—бытовымъ сценамъ изъ жизни различныхъ классовъ бѣлорускаго народа. Первое явленіе представляетъ собою поклоненіе волхвовъ, причѣмъ на сценѣ устроены и ясли, на которыхъ возлежалъ младенецъ. Хозяинъ вертепа въ это время объясняетъ публикѣ событіе: „возсіявый надъ солнце въ вертепѣ нынѣ, Иисусъ мой возлежитъ въ ясляхъ на снѣгѣ, и холодъ терпитъ, Сотворитель дрожитъ, который въ рукахъ свѣтъ держитъ. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды просвѣщаютъ, горы, холмы и моря радостно играютъ, поля и дубровы чтутъ Царя славы, бо вся суть Его державы“. Появляются на сценѣ волхвы, и хозяинъ продолжаетъ: „днесь звѣзда на востокѣ возсіяла, тремъ царямъ путь показала; три царя шли, золото, ливанъ и смирну несли“.

Послѣ небольшого антракта, на сценѣ появляется картонный престолъ, на которомъ возсѣдаетъ какое-то чудовище и безобразно жестикулируетъ: это—„Иродъ съ того засмутился, что Господь Христосъ родился; казалъ его искати, по всей землѣ пытати“. Но Иосифу „ангелъ во снѣ сказуетъ, что царь Иродъ гатуетъ“. Поэтому, вслѣдъ затѣмъ, по сценѣ движется на какомъ-то четвероногомъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, а сзади идетъ старичекъ, что вѣроятно изображаетъ собою бѣгство въ Египетъ. Начинается избіеніе младенцевъ, стоны и плачъ матерей; сцена покрывается грудами окровавленныхъ малютокъ. Но вскорѣ Иродъ получаетъ достойное возмездіе за свой звѣрскій поступокъ: на сцену выбѣжала безобразная „смерть“ съ косою и обнаженными челюстями; Иродъ умоляетъ о пощадѣ, трясется, но „смерть“ беспощадна, и отъ взмаха ея косы голова Ирода покатила по полу; „отъ

смерти, приговариваетъ она, не утекти“. Появляющіеся изъ-за кулисъ бѣсы—съ хвостами, рогами, когтями и прочими бѣсовскими атрибутами—тащатъ крючьями трупъ Ирода прямо въ адъ.

Этимъ потрясающимъ невзыскательныхъ зрителей драматическимъ эффектомъ и заканчивается первая часть представленія. Затѣмъ переходятъ уже къ бытовымъ сценамъ, въ которыхъ фигурируютъ представители многоясленныхъ національностей, населяющихъ Бѣлоруссію, съ ихъ характерными особенностями: кичливый и падкій на прекрасный полъ панъ, цыгане и евреи, надуваюціе мужика, уланъ, соблазняющій барынь и, наконецъ, крѣпкій заднимъ умомъ добродушный бѣлорусскій мужичекъ, служащій вообще объектомъ для болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ представителей всѣхъ остальныхъ національностей.

Вотъ для образчика одна изъ такихъ сценъ.

Бѣлорусскій мужикъ выходитъ съ подвязаннымъ брюхомъ и жалуется на свой разстроенный праздничными яствами желудокъ: „авей, авей, вохъ, вохъ, вохъ! Вотъ, мои панночки, былъ я у пана Барановскаго на кути, да якъ подѣлъ кути—такъ не могу сойти! Что моя Ульяна не робила—и горщокъ на пуфъ становила—да и тое не помогло, да еще горшь прилягло! Порадили мнѣ галасу, купервасу, да бурачнаго квасу, моху, чертополоху и еще нечего троху, усе это зелье сколотить—да и выпить. Зѣобилъ я и гѣто: не помогло, яще горшь прилягло. Вотъ кабъ-бы нашолся дохторочекъ и полечилъ-бы мой животочекъ—отдалъ-бы я ему и торбочку, и мѣшочекъ“.

Къ его услугамъ является и докторъ.

— Что съ тобой мужикъ?

— А вотъ, паночекъ, неисправность, бурченья, рѣзачка, обенбенило, якъ Антонову козу!

— Ложись, мужикъ! Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Матвѣй!

Докторъ начинаетъ колотить палкой лежащаго Матвѣя. „Ну потѣй, пане Матей!“

Послѣ этого докторъ стремительно убѣгаетъ, забравши „торбочку и мѣшочекъ“, а опомнившійся Матвѣй подымается на ноги. „А лихо твоей матери, выругался онъ; напотѣлъ, намотѣлъ—да и самъ къ чорту полетѣлъ!“

Изъ всего этого разсказа очевидно, что записать полный текстъ бѣлорусской рождественской драмы еще и теперь не составляетъ большой трудности. Спѣшить-бы!..

IV.

Песиголовцы въ украинской народной словесности.

Передъ нами лежитъ недавно вышедшій сборникъ „Рада“, этнографическій отдѣлъ котораго представленъ коротенькимъ очеркомъ: „Песиголовці, демологичный образъ, Грицька Десятиня“. Маленькій очеркъ этотъ отрицательными своими сторонами еще разъ свидѣтельствуетъ въ пользу необходимости перенесенія въ наши этнографическія работы приемовъ и идей, выработанныхъ западноевропейской наукой, а между прочимъ для положенія предѣловъ субъективной посѣшности, съ какою наши этнографы дѣлаютъ свои выводы о собранномъ среди нашего народа словесномъ матеріалѣ.

Г. Десятиня, взявъ нѣсколько сказаній о песиголовцахъ-людодѣдахъ изъ сборниковъ сказокъ гг. Рудченка и Драгоманова, предлагаетъ имъ свое объясненіе, которое сводится къ тому, что подъ видомъ песиголовцевъ-людодѣдовъ народъ нашъ олицетворилъ историческихъ хищниковъ, нападавшихъ на его землю еще не очень давно, напр. татарь.

При видѣ такого объясненія, прежде всего является слѣдующее соображеніе: вѣдь о татарахъ существуетъ у нашего народа масса сказаній и пѣсень, въ которыхъ этотъ близко извѣстный нашимъ землякамъ народъ рисуется вовсе не фантастическими, а вполне реальными образами? Зачѣмъ-же послѣ такихъ образовъ понадобилось-бы нашимъ предкамъ, встрѣчавшимъ татарь чуть не каждый день, еще рисовать ихъ песиголовцами и одноглазыми? Но кромѣ того, зачѣмъ прибѣгать къ какимъ-бы то ни было гипотезамъ, не провѣривъ прежде простыхъ объясненій? Г. Десятиня напр. говорить, что украинцамъ не было ни возможности, ни надобности заимствовать образы (о песиголовцахъ и циклопахъ-людодѣдахъ) у грековъ (у которыхъ впрочемъ, по его мнѣнію, эти образы возникли тоже по аналогическимъ мотивамъ). Но, оставя въ сторонѣ

вопросъ о томъ, какъ сложились у грековъ образы кинокефаловъ и циклоповъ (замѣтимъ, у грековъ—отличныя), есть слишкомъ много доказательствъ на то, что именно греческіе (и латинскіе) образы песиголовцевъ и людодовъ издавна проникали на Украину черезъ книги, изъ которыхъ и осѣдали въ глубь народныхъ массъ вмѣстѣ съ другими идеями и образами старинной культуры.

Такъ при самомъ началѣ письменности на Украинѣ уже были здѣсь въ ходу образы изъ круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, сведенныхъ въ книгѣ такъ называемаго Псевдокаллісена. А въ этой Александрейдѣ есть и сказаніе о песиголовцахъ, равно какъ и о циклопахъ и т. п. (см. между прочимъ и у Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихихъ, 29). Эта-же Александрейда распространялась и въ позднѣйшихъ украинскихъ переводахъ, образецъ которыхъ находится и теперь въ Петербургской Императорской Публичной Библиотекѣ ¹⁾. Кромѣ Александрейды, которая кружила по Европѣ въ переводахъ на всякіе языки, въ средніе вѣка гречко-латинскіе образы о кинокефалахъ, людодохъ и т. п. разносились по Европѣ специальными космографіями и даже съ картами ²⁾. Такія космографіи и карты за-

¹⁾ Какъ глубоко пустила свои корни Александрейда даже въ Россіи, объ этомъ можно судить по факту, правда, изъ Великороссіи, рассказанному нѣмецкимъ путешественникомъ 30-хъ годовъ, Колемъ (Kohl). Этому говорилъ одинъ нѣмецъ, что въ Поволжьи крестьяне начетчики библіи, когда встрѣтятъ въ ней имя Гога и Магога, то говорятъ, что это два народа великаны, которые прежде опустошали всю землю, но которыхъ Александръ Македонскій заперъ въ ущелья Кавказа и поставилъ на горахъ трубы, чтобъ вѣтеръ, дующій въ нихъ, поддерживалъ въ великанахъ мысль, что и до сихъ поръ еще Александръ ихъ сторожить. Со временемъ трубы надають и когда всѣ падуть, великаны выйдуть изъ своихъ убожищъ на горе всему міру (Kohl. Reisen in Südrussland. 1841. I, 291—293). Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ напомнить объ этомъ преумножъ наблюдателѣ Россіи вообще и Украинѣ въ частности. Особенно характеристика этнографическихъ признаковъ украинскаго населенія, сравнительно съ великорусскимъ и отчасти съ польскимъ, сдѣланная въ другомъ сочиненіи Коля—Reisen im Inneren von Russland und Polca (2 тома, 1841 г.) заслуживаетъ вниманія.

²⁾ Источниками этихъ свѣдѣній о чудовищныхъ людяхъ, какъ песиголовцахъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безбородыхъ, зонтиконогихъ, великанахъ, пигмеяхъ, служили древніе писатели (преимущественно Плиній, Ациль Геллій, Солинъ Поллѣгистеръ, Филостратъ) которые сами заимствовали значительную часть своихъ рассказовъ у египтянъ и индійцевъ. Въ старой христіанской литературѣ эти рассказы свель Августинъ Блаженный (De Civitate Dei, VI, I) разсуждая о томъ, какъ произошли эти чудяща отъ Адама и Ноя.

ходили издавна и въ русскія области. У насъ нѣтъ теперь подъ рукою отрывка изъ подобной космографіи въ западно-русскомъ переводѣ, а потому мы ограничимся приведеніемъ подходящаго отрывка транскрипціи сѣверно-русской, напечатанной въ сочиненіи г. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“, т. II, 267—268: (30) островъ живутъ на немъ люди главы у нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые... (31). Островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ лвовы веліцы і страшны зело воудивление. (32) Островъ пустьъ живутъ на немъ змій лице девичье до пуа человекъ а отпуа у нихъ и хоботь змиевъ крылати а зовомы василиски. (33) Островъ и живутъ на немъ люди человекотыцы былъ въ немъ свѣты апостоль андрей первозванный и вера у нихъ кумирская“... Помѣщаетъ всѣ эти острова эта „книга глаголемая Козмографія переведена сримскаго языка“, какъ разъ тамъ, гдѣ помѣщали кинокефаловъ и т. п. фантастическихъ народовъ басни классическія, т. е. на южномъ океанѣ, между Индіей и Египтомъ.

Вѣра въ дѣйствительное существованіе подобныхъ народовъ была въ старину всеобщою у грамотныхъ людей и распространялась, кромѣ книгъ, еще и рисунками, въ томъ числѣ и иконами. Такъ напр. и въ названномъ изданіи г. Ровинскаго есть описаніе страшнаго суда по Клиновскому подлиннику съ такими словами: „на сторонѣ Мойсей показываетъ жидомъ Христа... 1) стоятъ жидове, 2) стоятъ Литва, 3) синіе аравляне, 4) индіане, 5) измаилтенѣ, *песіи главы*, 6) турцы, 7) срацины, 8) пѣмцы, 9) ляхи, 10) русь... (Op. cit. IV, 644).

Изображеніе человекъ съ собачьей или волчьей головой, и при томъ великана, наши предки видѣли въ церквяхъ и на иконахъ еще по одному поводу, а именно въ представленіи св. Христофора, великана, обрекшаго себя на вѣрное служеніе Христу (S. Christophoros—famulus Dei), котораго онъ разъ и перенесъ черезъ Иорданъ, изнемогая подъ тяжестію этого ребенка, сосредоточившаго въ себѣ всю тяготу земли (ср. Микулу Селяниновича и Сумочку). Этотъ геркулесъ христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ изображался на православномъ Востокѣ не только великаномъ, но въ формѣ, напоминающей египетскаго шакалового Анубиса, слугу Гороса, сына Озирисова. Насъ далеко повело-бы, если-бъ мы занялись здѣсь

объясненіемъ состава легенды о св. Христофорѣ (см. о ней Alfr. Maury—Essai sur les légendes pieuses du moyen âge (P. 1848) и Sinemus—Die Legende v. Heil. Christophorus und die plastik und Malerei (Han. 1868). Мы считаемъ для нашей цѣли достаточнымъ простое напоминаніе факта изображеній св. Христофора съ головой волка или собаки, а также того, что святой этотъ, именно по греческимъ легендамъ, и выводится изъ страны кинокефаловъ-песиголовцевъ и, по этимъ легендамъ, началъ говорить по человѣчески только тогда, когда ангель коснулся его губъ (см. Acta Sanctorum, изд. Болландистовъ, 25 іюля).

У г. Ровинскаго находимъ два рисунка св. Христофора съ волчьей головою, сдѣланные въ Россіи еще въ XVIII в. (см. III, 674, IV, 772), а потому желательно было-бы, чтобъ лица, имѣющія къ тому возможность, поискали по украинскимъ закоулкамъ иконъ и гравюръ съ изображеніемъ какъ св. Христофора въ видѣ Алубиса, такъ и изображенія песьихъ-головъ на страшномъ судѣ.

Мы потому между прочимъ остановились на этомъ предметѣ, что это только одинъ изъ многихъ примѣровъ распространенія въ нашихъ областяхъ образовъ, порожденныхъ въ такъ называемомъ *языческомъ* мірѣ, распространенія при посредствѣ средневѣковой христіанской церкви. Уясненіе-же этого обстоятельства чрезвычайно важно для пониманія такъ называемой народной словесности и народныхъ идей вообще. Наши собиратели этихъ вещей и даже изслѣдователи постоянно игнорируютъ это обстоятельство, производя всѣ образы, какіе они ни встрѣтятъ въ умѣ „народа“, въ его собственныя изобрѣтенія, а рядомъ съ тѣмъ признавая все то, что имъ покажется не схожимъ съ *ихъ* христіанскимъ или раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, продуктомъ древней языческой мысли нашего-же народа. А между тѣмъ современное религіозное міровоззрѣніе образованныхъ людей болѣе или менѣе часто деистическое, проникнутое своего рода раціонализмомъ и сгармонизированное съ теперешнимъ естествознаніемъ, есть вещь очень новая, ведущая свое начало отъ великаго умственного движенія XVI—XVII в. Средневѣковая-же религіозность сама была своего рода язычествомъ, политеизмомъ, и заключала въ себѣ массу фантазій не только міра классическаго, но и древне-азіатскаго и африканскаго. Эти фантазіи средневѣковая религіозность греко-италійская привнесла и въ нашу

славянскую, сравнительно бѣдную мифологіей, область и распространила ихъ проповѣдью, книгою, живописью.

Иначе говоря, и высказывая мысль, которая пусть будетъ заключеніемъ какъ настоящей, такъ и предъидущей замѣтки,—*весьма многое, что мы находимъ теперь въ нашей области и даже въ сферѣ ея неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не „народный“, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, и продуктъ культурный.* Мысль эта уже признана изслѣдователями такъ называемой народной словесности и быта въ западной Европѣ и здѣсь привела къ новымъ и болѣе строгимъ научнымъ объясненіямъ этихъ предметовъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали во времена прежняго субъективнаго народничества, какое еще крѣпко у нашихъ этнографовъ. Почему-же послѣдніе остаются въ сторонѣ отъ идей и приемовъ европейской научной школы? . На этотъ вопросъ мы не беремся отвѣчать.

М. Т—овъ.